Статьи. Неопределенность (в) социологии

Научная статья / Original Article

Операторы среднего уровня: социология неопределенности как гештальт-теорема

Степан В. Козлов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва;

Московская Высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Российская Федерация

https://orcid.org/0000-0002-1674-9310

Рекомендация для цитирования: Козлов С. В. (2025) Операторы среднего уровня: социология неопределенности как гештальт-теорема. *Социология власти*, 37 (2): 12-31.
EDN: CUIMIM

For citation:
Kozlov S. V. (2025) Middle-Range Operators: The Sociology of Uncertainty as a Gestalt Theorem. *Sociology of Power*, 37 (2): 12-31

Поступила в редакцию: 10.01.2025; прошла рецензирование: 11.03.2025; принята в печать: 20.03.2025
Received: 10.01.2025; Revised: 11.03.2025; Accepted: 20.03.2025

© Kozlov S. V., 2025
This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Резюме: Статья предлагает концептуализацию операторов среднего уровня — класса социальных объектов, недостаточно проанализированных современной социальной теорией и играющих центральную роль в социологическом теоретизировании неопределенности. Статья эксплицирует проблематичность мышления о неопределенности в современной рефлексивной социологии, обращая внимание на «проблему двух гистерезисов» как один из изъянов словаря теории кризисов Пьера Бурдье. Эта проблема делает невозможным связывание микроуровня и макроуровня социальной реальности применительно к проблеме социальных изменений и предполагает необходимость обращения к периферийным концептуальным ресурсам рефлексивной социологии — «изобретениям», или, используя более общий термин — «операторам среднего уровня». На примере понятия «аксиологических операторов» Жизель Сапиро и исследований «пространственных различений» Натана Марома автор текста демонстрирует, как современная рефлексивная социология описывает понятия и явления, структурно выполняющие функцию операторов среднего уровня в отдельных контекстах, при этом не уделяя внимания более

общему описанию этого класса социальных феноменов. Автор статьи обращается к современным дискуссиям о (квази)институциональных предпосылках и эффектах сетей социальных связей и ресурсов на материале дискуссии о гуаньси. В заключительной части описываются ключевые черты операторов среднего уровня и вводится понятие модуляции, которое позволяет обратить внимание на эффекты трансформации и «донастройки» социальных ресурсов, возникающие в ситуациях социальных кризисов и резких трансформаций социальной структуры.

Ключевые слова: неопределенность, изобретение, кризис, социальные связи, институты

Middle-Range Operators: The Sociology of Uncertainty as a Gestalt Theorem

Stepan V. Kozlov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow;
Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russian Federation
https://orcid.org/0000-0002-1674-9310

Abstract: This article proposes a conceptualization of middle-range operators — a class of social phenomena insufficiently described in contemporary social theory yet playing a central role in enabling sociological theorization of uncertainty. The analysis critically examines reflexive sociology's limitations in addressing uncertainty, particularly the "dual hysteresis problem" in Pierre Bourdieu's crisis theory, which obstructs linkages between micro- and macro-level social realities in contexts of change. This impasse necessitates recourse to reflexive sociology's peripheral conceptual tools: "inventions" or, more broadly, *middle-range operators*. Through case studies of Gisèle Sapiro's "axiological operators" and Nathan Marom's "spatial distinctions", the text demonstrates how contemporary reflexive sociology identifies concepts and phenomena structurally fulfilling middle-range operator functions in specific contexts, while neglecting broader systemic characterization of this social category. To address this gap, the analysis engages with modern debates on (quasi)institutional preconditions and effects of social network dynamics, drawing particularly on *guanxi* scholarship. The concluding section outlines defining characteristics of middle-range operators and introduces the concept of *modulation* — a theoretical lens revealing previously overlooked processes of resource transformation and recalibration enacted by social actors during structural crises and rapid societal transformations.

Keywords: uncertainty, invention, crisis, social ties, institutions

Одна из центральных амбиций сетевого анализа в социальных науках — «удовлетворительным образом связать взаимодей-

ствия микроуровня со структурами макроуровня» (Грановеттер 2009, с. 31). Несмотря на успехи новой теории институтов и исследователей социальных связей как в постановке этой проблемы, так и в тематизациях направлений ее решения, регионы социальной теории, описывающие трансформации структурных и культурных процессов в социальном мире, не могут предложить удовлетворительной эвристики, которая позволила бы эксплицитно связать практики и структуры. Для исследований неопределенности такая ситуация проблематична; описание взаимодействия между структурными трансформациями и локальными способами реорганизации социального порядка необходимо для решения вопроса о социальных изменениях как в «кибернетических», так и в «энергетических» (Куракин 2023, 2024) концептуализациях социального мира. Теория кризисов, сформулированная Пьером Бурдье, — хороший пример такого «явленного отсутствия»; описывая структурные трансформации *longue durée* и разрывы повседневного опыта, она не уделяет внимания локальным способам организации социального порядка, которые позволяют агентам устранить неопределенность взаимодействия в кризисных ситуациях.

Задача этой статьи — продемонстрировать эпистемическую вариацию, имплицитно заложенную в объяснительные модели работы с социальной неопределенностью в рефлексивной социологии и лучше всего описываемую с помощью понятия гештальта: когда теория делает видимыми практики или социальные структуры, операторы, *канализирующие* и *модулирующие* их изменения, становятся *фоном* разворачивающихся структурных трансформаций и выпадают из поля зрения социолога. Ключевая гипотеза, вокруг которой строится этот текст, — возможность инверсии фигуры и фона, в ходе которой незаслуженно забытый класс *операторов среднего уровня* может быть возвращен социологии. Несмотря на то что предложенные в статье выводы обращены в первую очередь к рефлексивной социологии, их использование и дальнейшая имплементация имеют смысл и за ее пределами; анализ операторов среднего уровня позволяет ответить на вопрос об инстанции, объединяющей неопределенность повседневности и неопределенность социальной структуры в ситуациях масштабных кризисов и трансформаций социального мира.

Кризисы, средний уровень и два гистерезиса

Теория социальных кризисов — область рефлексивной социологии Пьера Бурдье, играющая центральную роль в работе теории полей с проблемой социальных трансформаций. В пику ортодоксальному прочтению бурдьевистики как эмпирической программы исследо-

ваний процессов воспроизводства социальных структур, сложившемуся в силу историко-переводческих коллизий (Gorski 2013), это направление рефлексивной социологии фокусируется на анализе резких сдвигов, разрывов границ между регионами социального пространства и процессах резкой перестройки правил взаимодействия в отдельных точках социального мира. Хотя теория кризисов предполагает использование базовых положений рефлексивной социологии — в первую очередь категории социального пространства — у нее есть самостоятельный словарь. Первый шаг к его кодификации предпринял сам Бурдье в парадигматическом исследовании событий мая 1968 года, изложенном в пятой главе *Homo Academicus* (Бурдье 2018), предложив модель развертывания политических кризисов, которую можно кратко описать как *политизацию*, наступающую вследствие *деавтономизации*. Схематически ее можно представить так:

1. Первым шагом развертывания кризиса выступает постепенная деавтономизация до этого относительно изолированных социальных пространств, наступающая либо вследствие локальных интервенций из пространства политического (Там же, с. 340), либо в результате опознания агентами структурного сходства отношений подчинения, структурирующих их собственное поле, с отношениями подчинения, структурирующими другие поля. В случае мая 1968 года такое узнавание — условие возможности альянса молодых преподавателей и выпускников, оказавшихся в схожей ситуации. Молодые преподаватели и недавние выпускники в описании Бурдье оказываются заложниками эффекта рассогласования инкорпорированных ожиданий с действительным положением дел в поле. Специфическую темпоральность поля, представленную последовательностью иерархически организованных позиций («студент» — «преподаватель» — «профессор» — «декан»), незадолго до студенческих выступлений нарушили структурная трансформации факультетов и изменение механизмов отбора на специальности. Из-за повышения спроса на дипломы о высшем образовании произошла коррекция архитектуры преподавательских позиций; теперь, когда студентов стало больше, французским университетам понадобился *академический пролетариат*, доступ которого к престижным академическим позициям был ограничен с самого начала карьеры. Жертвами структурно схожего рассогласования оказались и недавние выпускники, наводнившие молодые, а потому профессионально *неопределенные* (Там же, с. 321) специальности вроде социологии и психологии. Обладая наборами ожиданий о дискриминативной и пози-

тивной роли диплома о высшем образовании в карьере, после окончания университета они столкнулись с инфляцией символического капитала, предоставляемого документами о высшем образовании (Там же, с. 312), затрудняющей доступ к желаемым позициям. Зеркальное и взаимное узнавание рассогласований обеспечило один из первых альянсов между группами, локализованными в *разных* полях.

2. Подобные альянсы с необходимостью генерализуют как структурные (делая невидимыми, к примеру, внутрифакультетские деления (Там же, с. 315)), так и дискурсивные компоненты конфликтов, которые привели к их возникновению. Ситуация постепенной (и в разной степени контролируемой (Козлов 2024)) генерализации приводит к *обобщению* используемых разными группами категорий. В ситуации кризиса проблематика поля должна быть переформулирована, чтобы сделать «повестки дня» разных полей соотносимыми и взаимно осмысленными; иными словами, каждый следующий шаг деавтономизации, которая одновременно является генерализацией, сопровождается *политизацией речи* агентов. Чтобы сделать альянс рабочих и студентов осмысленным, недостаточно эффекта узнавания: зеркальное сходство должно быть артикулировано в риторике и превращено в набор ясных риторических фигур, которые упростят дальнейшие попытки наведения «мостков» между разными точками социального пространства.

Современная рефлексивная социология уделяет серьезное внимание исследованиям кризисов. Фокусом внимания исследователей кризисов становятся как исторические трансформации литературных полей на национальном и международном уровнях (Сапиро 2025, Sapiro 2020, 2023), так и способность кризисов «перешагивать» границы национальных полей, оказывая влияние на сообщества и группы, размещенные в других социальных и физических пространствах (Calabretta 2022), одновременно оставаясь источниками дискурсивных столкновений и противоречий (Caselli 2022). Исследования кризисов также остаются теоретически насыщенным пространством, порождая тезисы о возврате к базовой рациональности в ситуации, когда устойчивые правила отдельных социальных полей перестают действовать (Ermakoff 2013).

Источником кризисов является *эффект гистерезиса* — рассогласование инкорпорированных (и не всегда осознанных (Strand, Lizardo 2017)) ожиданий и действительного положения дел в механизмах воспроизводства социальной структуры, которое описано Бурдье и другими авторами (Bourdieu 1962; Bourdieu, Sayad 1964; Bourdieu, Passeron 1977). Предположение о возможности гистерезиса утвер-

ждает, что инкорпорированные и приобретенные структуры познания и действия продолжают свое существование даже в ситуации, в которой они утратили прагматическую эффективность; иными словами, так же, как и бюрократическим структурам, им свойственен спинозистский *конатус* (Bourdieu 2000, p. 183; Bourdieu 1996; Bech 2021):

> «...даже если диспозиции могут утрачиваться или ослабевать из-за отсутствия использования (связанного, в частности, с изменением социального положения или состояния) или в результате роста осознанности, вызванного усилием намеренной трансформации (как в случае исправления акцентов, манер и т. д.), существует инерция (или *гистерезис*) габитусов, которые имеют спонтанную (основанную на биологии) тенденцию увековечивать структуры, соответствующие условиям их производства. В результате может произойти то, что можно назвать эффектом Дон Кихота, когда диспозиции выходят за рамки поля и „коллективных ожиданий", конституирующих его норму. Это происходит, в частности, когда поле переживает серьезный кризис и его закономерности (и даже его правила) претерпевают глубокие изменения» (Bourdieu 2000, p. 160).

Эффекты гистерезиса можно обнаружить как на уровне социальных структур (например, в случае системных рассогласований ожиданий групп во время событий мая 1968), так и в динамике сонастройки индивидуального тела с пространством социальных позиций (что продемонстрировано в алжирских исследованиях Бурдье (Bourdieu 1962; Bourdieu, Sayad 1964), описывающих поломки механизмов воспроизводства локальной социальной структуры в результате наложения европейской категории *ремесла* (*métier*) на несвойственный ей объект). Поэтому с эвристической точки зрения можно говорить о двух гистерезисах: *структурном* (схватываемом с помощью количественного анализа и постепенной реконструкции руководящих оппозиций социального пространства) и *этнографическом* (доступном взгляду рефлексивного этнографа). Вопрос о связи структурной и этнографической оптик не решается Бурдье до конца: отношения между двумя гистерезисами как продуктами работы социолога не являются эмпирически эквивалентными[1] из-за неизбежной фрагментированности и частичной дисфункциональности, присущей спонтанным восприятиям социального мира агентов, размещенных в «истори-

1 Речь идет не только о логическом несоответствии одного контекста использования термина другому, но и о практическом измерении работы исследователя. На практике под словом «гистерезис» могут подразумеваться два типа артефактов исследовательской работы, а взаимный перевод количественных зависимостей и этнографических свидетельств представляет собой отдельную исследовательскую задачу.

ческом моменте» кризиса. Это же обстоятельство не позволяет предположить, что гистерезис может связывать структуры и практики: несмотря на использование одного и того же термина, аналитически (и, вполне возможно, онтологически) речь идет о двух разных явлениях. Для разрешения этой проблемы Бурдье обращается к институтам, точечно описывая их объединяющую роль в трансформации процессов конструирования возможного будущего:

> «И если работа (скорби), необходимая для того, чтобы подстроить стремления под эффекты морфологической эволюции, является неизбежно длительной, то потому, что агенты видят лишь очень ограниченную часть социального пространства (к тому же через категории восприятия и оценивания, которые являются продуктами предыдущего состояния системы) и в силу этого склонны интерпретировать свой собственный опыт и опыт агентов, принадлежащих их ближайшему кругу, скорее в рамках индивидуальной, чем категориальной логики: морфологические изменения могут предстать перед ними лишь в форме множества фрагментированных опытов, которые трудно схватить и интерпретировать как целое. Поэтому в анализе этого процесса изменения видения будущего следовало бы принять в расчет роль институций, ответственных за производство ученых представлений о социальном мире (например, официальных и неофициальных статистических институтов) и, соответственно, за манипуляцию представлениями о будущем, на которое можно рассчитывать (например, роль советов профориентации и, в более общем виде, всех агентов, в чьи обязанности входит информировать о будущем дипломов и должностей)» (Бурдье 2018, с. 319-320).

Несмотря на то что институты играют одну из последних ролей в описании Бурдье, они обладают центральной объяснительной функцией, которая остается незаслуженно забытой; если индивидуальные восприятия агентов по определению рассогласованы, то для их взаимной координации требуется *оператор среднего уровня*, который сможет осуществить эффективную модуляцию и координацию индивидуальных восприятий. Без этой работы по координации двух гистерезисов невозможен и сам кризис: конструирование общего «развернутого» будущего является необходимым условием эффективной *политизации*, которая предполагает возникновение общих категорий и объяснительных механизмов для групп, происходящих из разных регионов социального пространства. Можно предположить, что Бурдье называет такие операторы *изобретениями*[1]

1 Подробнее о категории социальных изобретений у Бурдье (см.: Козлов 2025). Нужно заметить, что на уровне базовых определений категорию «оператора среднего уровня» в этом тексте можно было бы с успехом заменить на «изобретение», не потеряв смысла, но прибавив в выразительной способности

(Козлов 2025), хотя при этом он не погружается в детальное описание их работы и руководствуется риторической логикой «важного, но не существенного»:

> «Видимость идеологической диффузии является результатом множества *одновременных* (но при этом независимых, хотя и объективно согласованных) *изобретений*, осуществленных в разных точках социального пространства, но в сходных условиях, агентами, обладающими сходным габитусом и, если можно так выразиться, одинаковым социальным *conatus'ом*, т. е. сочетанием диспозиций и интересов, связанных с определенным классом социальных позиций, которое побуждает агентов стараться воспроизвести в постоянном или увеличенном объеме, даже не имея нужды знать об этом или желать этого, свойства, определяющие их социальную идентичность» (Бурдье 2018, с. 339).

Такая формулировка (предполагающая, что в роли изобретений могут выступать и сиюминутные соглашения, риторические изобретения, идеологические эвристики, а не только институты, обладающие функциональной архитектурой и бюрократическим конатусом), проясняет, что в данном случае речь идет не только и не столько об «институтах» в том смысле, какой обычно вменяется им в рефлексивной социологии Бурдье (Wang 2016). Речь идет о социальных операторах (и операциях), обеспечивающих эффективную *модуляцию* социальных ресурсов, которая не сводится к трансмиссии и больше напоминает процедуры перевода; такие операторы среднего уровня, располагающиеся «между» (или, если быть более точным, «среди», *mi-lieu*) структурой и практикой, могли бы стать успешным решением вопроса о двух гистерезисах.

Именно такую конфигурацию описаний, сводящуюся к выведению операторов среднего уровня из поля зрения социологии, можно описать с помощью понятия гештальта: когда теория кризисов делает видимыми структурные трансформации, кризисы воспроизводства и индивидуальные гистерезисы, она одновременно размещает «множество изобретений» на *фоне* разворачивающихся трансформаций социального мира, делая их невидимыми — подобно тому, как организованы отношения между фигурой и фоном

и стиле. Решение обозначить предмет этой статьи с помощью неповоротливой конструкции «оператор среднего уровня» — попытка перезадать вопрос о возможности медиации разных порядков социальной реальности не только в бурдьевистике, но и за пределами рефлексивной социологии, в качестве эксперимента отказавшись от семантического «шлейфа», который может следовать за понятием изобретения.

в визуальных феноменах, напоминающих вазы Рубина[1] (Rubin 1958; Kennedy 1974). Ключевой эпистемический (и одновременно методический) вопрос: возможно ли восстановление единства картины, которое позволило бы эффективно опознавать как трансформации структуры, так и разрывы повседневных практик, одновременно сохраняя различимыми операторы среднего уровня? Пока, оставив его без ответа, сфокусируюсь на возможности *инверсии* устоявшейся эпистемической модели, которая позволила бы сделать операторы среднего уровня видимыми и подотчетными.

Синхрония, диахрония, институты и социальные связи

При достаточном уровне теоретического воображения некоторые исследовательские ходы, которые осуществляет современная рефлексивная социология, можно описать как поиск удовлетворительного ответа на вопрос о *возможности существования* операторов среднего уровня. Ключевые примеры такого поиска — концептуализация *аксиологических операторов* Жизель Сапиро (см. публикацию перевода ее статьи в этом номере), использованная ей в анализе трансформаций французского литературного поля и международных переводов, а также анализ *пространственных различений*, произведенный Натаном Маромом на материале планов и иных исторических документов эпохи проектирования Тель-Авива (Marom 2014). Опишу эти решения.

Тематизация аксиологических операторов, предлагаемая Жизель Сапиро, предполагает, что в периоды политических кризисов достижение «идеологической диффузии» опосредовано риторическими и идеологическими фигурами, которые выполняют работу переноса и модуляции структурных оппозиций культуры. Например, используя понятие «глобализации» в контексте, который вменяет ему позитивную роль в мире литературы, можно объяснить многое, затратив сравнительно мало усилий. Благодаря подобным аксиологическим операторам агенты *редуцируют комплексность* идеологических столкновений, создавая сравнительно примитивные

1 «Ваза Рубина» — классическое изображение обращающихся фигур, созданное Эдгаром Рубином в 1915 году. Это амбивалентное изображение, которое может восприниматься либо как ваза (кубок) на черном фоне, либо как два обращенных друг к другу профиля на белом фоне. Несмотря на то что этот пример хуже знаком социологам в сравнении со знаменитым описанием кролика-утки Людвигом Витгенштейном, он лучше демонстрирует проблематичность рассмотрения отдельных социальных феноменов в качестве «фона» социологической теории.

и одновременно эффективные системы различения «достойного» и «недостойного». Это делает возможным вменить группам агентов статус «врага прогресса» или «друга традиции», что позволяет агентам, ответственным за производство аксиологического оператора, произвести *социодицею* — описание, размечающее и уточняющее желаемую модель социального порядка (Bourdieu, Passeron 1977, p. 210):

> «Я называю *аксиологическими операторами* понятия или выражения вроде „прогресса", „модернизации", „свободы" и „прав человека" или, наоборот, „традиции", „корней", „социального порядка" и „цивилизации", которые описывают системы культурных оппозиций и одновременно указывают их значение и позицию в иерархии ценностей через пространственные указатели — в данном случае через их размещение выше или ниже друг друга с моральной коннотацией достойного (*digne*) и недостойного (*indigne*). Эти понятия не функционируют как *аксиологические операторы* сами по себе; им придается конкретное значение в той идеологической рамке и в той социальной конфигурации, в которой они становятся ключевыми понятиями тех идеологий и связанных с ними нарративов, для которых они служат синекдохой» (Sapiro 2022, p. 317).

Можно заметить, что с точки зрения структуры объяснения аксиологические операторы — способ локального решения проблемы двух гистерезисов, предполагающий, что социолог может обратить внимание на редукцию символической комплексности, осуществляемую «институтами», «изобретениями» или отдельными агентами в процессе достижения идеологической целостности одной из сторон кризиса. При этом данное понятие применимо только в анализе идеологий или нарративов и не уточняет роль агентов или инстанций, ответственных за поддержание и разработку аксиологических операторов; «структурный» компонент кризиса не может быть схвачен аналитикой символических редукций, хотя она имеет очевидную исследовательскую ценность (и, по выражению самой Сапиро, обеспечивает действенность самих аксиологических операторов).

Еще один пример применения подобной эвристики в рефлексивной социологии — аналитика *пространственных различений* (*spatial distinctions*), проведенная Натаном Маромом при работе с планами и источниками, документировавшими и направлявшими развитие Тель-Авива. Концептуализация городского пространства, предложенная Маромом, предполагает, что развитие физического пространства города опосредовано устойчивыми социальными различениями, долговременность которых обеспечивается их замыканием в физическом пространстве; социальные различия направляют развитие и формируют структуру кварталов, одновременно

воплощаясь в их физической архитектуре и конфигурациях, таким образом «заземляясь» в физическом мире. Анализ таких круговых зависимостей позволяет Марому описать пространственные различения, имеющие привилегированное место (в буквальном и переносном смысле) в конкретные десятилетия: так, историческое противопоставление Тель-Авива арабскому Яффо и удаленным от берега Средиземного моря еврейским местечкам, реализовавшее себя в 1880–1910-х, сменилось «спонтанным урбанизмом» неконтролируемой застройки юга города в 1920-х. Этот переход сделал явным противопоставление доминирующего полюса социального мира Тель-Авива, физически воплощенного в северных районах, и полюса, который отличало отсутствие или недостаток ценившихся видов капитала, «укоренившегося» на юге:

> «Социальные различения (*distinctions*) и разделения (*divisions*) пересекают единое, но поляризованное социальное пространство и, как следствие, порождают сегрегационные образования в городском пространстве через цепь пространственных „переводов". В частности, различения, принадлежащие индивидам и группам доминантного полюса социального пространства, — для которого характерно обладание экономическим и культурным капиталом, а также политической властью и контролем над пространством, которые те предоставляют, — порождают собственную целенаправленную, привилегированную самосегрегацию, а также исключающую сегрегацию (*exclusive segregation*) (и стигматизацию) других индивидов и групп, находящихся на противоположном доминирующему полюсе социального пространства, — в процессе, который быстро становится самоподдерживающимся» (Marom 2014, p. 1348).

Такая аналитика городских (и социальных) пространств делает видимыми операторы, информирующие развитие и архитектуру облика городов и не сводящиеся к региону вербализованных символических столкновений благодаря тому, что конкретные пространственные различения оказываются «укоренены» в физическом пространстве и потому долговечны (Ibid., p. 1357-1358). Пространственные различения — это конкретные способы «свертки» и модуляции видов социальных ресурсов, партикулярные в своей историчности и одновременно значимые с точки зрения своих социальных эффектов. Существенное преимущество подходов Сапиро и Марома — их *синхроничность* (одновременно методическая и историческая), которая позволяет исследователю связать уровни структуры и практики, одновременно предложив модель исторического развития режимов символической редукции и способов различения пространства. Хотя такие подходы с успехом соединяют структурное и практическое, «множество изобретений», ускользавшее от Бурдье, оказывается размещено на фоне и в этих исследо-

ваниях; институциональные контексты и *архитектура* модуляции социальных ресурсов, предшествующая производству аксиологических операторов, занимает одно из последних мест в анализе Сапиро, а в анализе Марома она оказывается представлена только работой с источниками, описывающими инициативы по строительству «рабочих» кварталов, инициированных одним из первых профсоюзов Израиля — Гистадрут (תורדתסהה).

Один из регионов социальной теории, который может предложить рефлексивной социологии функциональные и достаточно абстрактные эвристики для анализа операторов среднего уровня — исследования социальных связей. Вскоре после проведения Марком Грановеттером парадигматических исследований процессов карьерного поиска в Америке (Granovetter 1995) и роли слабых связей в организации коллективов (Грановеттер 2009), один из его основных тезисов, предполагающий преимущество слабых связей в трансфере информации и иных видов социальных ресурсов, подвергся критике. Бьян и Якубович продемонстрировали, что эффективность использования разных видов социальных связей зависит от вариативного социального контекста, в котором они оказываются размещены (Bian 1997; Yakubovich 2005). Кейс *гуаньси* (关系) — китайского оператора организации социальных связей, вокруг которого строится одно из направлений критики аргумента Грановеттера, — лучше всего подходит для демонстрации значимости операторов среднего уровня в процессах модуляции социальных ресурсов.

Гуаньси — многозначный термин, обращающийся к множественному социальному объекту (или множеству социальных объектов). В общем виде, не претендующем на экспликацию возможной культурной полноты этого механизма, гуаньси может быть описано как *персональная связь, предполагающая регулярный неравный обмен услугами и публичное признание оказанной услуги*. Для гуаньси характерны *диадичность* (иначе нельзя было бы говорить о существовании связи), *партикулярность* (предполагающая наличие у каждого гуаньси собственной «истории» и специфики установившихся механизмов обмена услугами) и *сентиментальность* (указывающая на необходимость также и эмоциональных инвестиций в развитие связи) (Bian 2019, p. 20). В разные периоды современной истории Китая гуаньси как оператор среднего уровня «развертывался» в разных институциональных контекстах. Оно использовалось для «подрыва» бюрократических механизмов назначения недавних выпускников на рабочие места во время культурной революции, который позволял родителям выпускников мобилизовать свои персональные связи для обхода процедур распределения (Bonnin 2013). Во время ранних рыночных реформ в Китае конца 1970-х — начала 1980-х годов гуаньси использовалось представителями бизнеса для

получения неформального (и часто нелегального) доступа к товарам и ресурсам (Gold 2017). Исследование Яньцзе Бьян, посвященное гуаньси и особенностям поиска работы в Китае, продемонстрировало, что гуаньси успешно обеспечивало возможность неформального и нелегального обхода бюрократических механизмов назначения места работы до рыночных реформ в Китае. В отличие от карьерного контекста Америки, исследовавшегося Грановеттером и предполагавшего примат информации в качестве основного ресурса, курсирующего по социальным сетям, в китайской командной системе информация была лишь производной доверия, доступ к которому можно было получить только через долговременную связь, которая позволяет и искателю, и дарителю пойти на совместный риск нарушения закона для укрепления гуаньси (Bian 1997).

Одной из ключевых характеристик гуаньси, позволяющей говорить о том, что в данном случае речь идет не о специфическом типе связи, а о самостоятельном социальном операторе, является его *публичность*: несмотря на то что гуаньси часто используется для реализации нелегальных обменов, результаты успешного обмена услугами презентуются социальным кругам, к которым принадлежат и искатель, и даритель. Успешная гуаньси укрепляет «лицо» (面子) искателя и дарителя; благодаря реализованному обмену даритель приумножает свою репутацию благодетеля, а искатель укрепляет собственный образ человека, который может получить доступ к различным видам социальных ресурсов.

> «Для дарителя признание в социальных сетях его способности оказывать услуги повышает его положение или репутацию в сообществе… [что является] платой, которую дарители ищут в гуаньси… Для искателя получение успешной услуги указывает на его или ее способность получить вертикальный и восходящий доступ к ценным ресурсам в обществе… [поэтому] распространение из уст в уста успешной гуаньси повышает репутацию или социальное положение также и искателя» (Lin 2001, p. 157).

Публичность гуаньси постоянна и не зависит от конкретного институционального контекста, в котором гуаньси оказывается развернуто. Гуаньси можно описывать как неформальный институт (Barbalet 2023), однако есть и другой, более продуктивный способ — предположить, что оно обладает набором устойчивых характеристик, сущностно отличных как от локальной и идиосинкразической логики применения социальных связей, так и от «опрокидывания» бюрократических структур на социальную реальность без внимания к возможным противодействиям, которые социальный мир может противопоставить попыткам его формализации и рациональной категоризации.

Операторы среднего уровня адаптивны и (часто) долговременны. Гуаньси способна встраиваться в различные институциональные контексты, сохраняя ядро своих функциональных операций, отдельные пространственные различения эволюционируют от года к году, информируя воплощение структуры социального неравенства в физическом мире, тогда как аксиологические операторы реинтерпретируются и переприсваиваются различными группами в ходе публичных дискурсивных столкновений.

Модуляция и социальные ресурсы

Коротко остановлюсь на ключевых эвристиках, которые предоставляет социологии и исследованиям неопределенности гипотеза о существовании операторов среднего уровня.

Во-первых, эта гипотеза решает проблему двух гистерезисов, схватывая переход от разрывов повседневности к структурным трансформациям: между индивидуальным восприятием и структурой реляционных характеристик социального мира можно обнаружить механизмы, ответственные за «свертку» и модификацию не только индивидуальных восприятий, но и различных видов социальных ресурсов (как в случае гуаньси). Одной из центральных функций операторов среднего уровня является *редукция интеракционной комплексности*, предполагающая возможность взаимной координации различных социальных агентов как на уровне манипуляции социальными ресурсами, так и на уровне дискурса (Латур 2014)[1]. Так, операторы среднего уровня выступают механизмами контроля как повседневной (свойственной любым социальным взаимодействиям), так и абнормальной (характерной для периодов кризисов и масштабных социальных трансформаций) неопределенности. Несмотря на центральную роль операторов среднего уровня в координации социальных взаимодействий, они «недоописываются» не только рефлексивной социологией, но и социальной теорией в целом. Как «кибернетические» (в случае рефлексивной социологии), так и «энергетические» модели трансформаций соци-

1 Легко заметить, что один из аргументов Бруно Латура о материальном фрейминге взаимодействий людей обращается именно к этой проблеме: Латур уточняет, что редукция комплексности взаимодействия людей достигается за счет ограничений, накладываемых на взаимодействие его материальной архитектурой. Ключевое различие, которое не позволяет сказать, что Латур описывает возможность существования операторов среднего уровня, заключается в том, что его концептуализация не предполагает возможность существования социальных «рамок», которые не были бы одновременно материальными и объективными.

альной реальности (к примеру, теория социетализации Джеффри Александера) обращаются к пространству среднего уровня, в котором становится возможна социальная трансформация, одновременно делая его невидимым[1]. Осуществляя редукцию комплексности, операторы среднего уровня не изолируют взаимодействия полностью от явлений структуры или практики: для описания зависимостей между уровнями социальной реальности лучше подошло бы понятие интеракционной петли (Волкова 2021; Hacking 1995) или рекуррентной каузальности[2].

Во-вторых, редуцируя комплексность социальных взаимодействий, операторы среднего уровня не только *ограничивают*, но также *модулируют*. Метафора модуляции (понятой в терминах теории информации) предполагает не только передачу, но и трансформацию передаваемого сигнала. В свою очередь, это означает, что операторы среднего уровня *обладают собственным содержанием*: они «свертывают» и «оформляют» социальные ресурсы и дискурсивные элементы согласно собственным историческим логикам и процедурам как в случае акта публичного поддержания «лица», являющимся ключевой повторяющейся операцией, необходимой для поддержания гуаньси. Такого рода оперативные зависимости уникальны для каждого отдельного оператора и не всегда сводятся к институциональной медиации: «множество изобретений» мая 1968 не обладает бюрократическим конатусом и связанной с ним

1 В случае теории социетализации таким «явленным отсутствием» становится историческая партикулярность каждого отдельного социального представления (*perfomance*), которая занимала Александера в его предыдущих текстах (Alexander 2018, p. 18).

2 Такая эвристика предполагает, что одним из компонентов содержания каждого оператора среднего уровня является набор *операций отбора*, определяющих возможные пути взаимодействия как между операторами и структурами, так и между операторами и практиками. В этом ключе нельзя не упомянуть исследование Марии Волковой (Волкова 2021), продемонстрировавшее историческую специфичность медиации связей между шаманскими группами в Бурятии и бюрократическими структурами, предполагающую взаимную сонастройку участников (чтобы быть распознанными в качестве религиозной организации, шаманам было необходимо изобрести «шаманскую организацию», а бюрократическим агентам — провести работу по встраиванию нового объекта в одну из категорийных ячеек бюрократического мышления). Другое исследование Марии Волковой (см.: (Волкова 2025) в настоящем номере) фокусируется на изобретении разными шаманскими группами «групповых стилей», позволяющих им координировать взаимодействие друг с другом и священными объектами, отбирая релевантные для шаманских процедур и практик обстоятельства и события. Следуя логике настоящего рассуждения, можно предположить, что в обоих случаях речь идет об операторах среднего уровня.

долговременностью, а гуаньси способно встраиваться в различные институциональные контексты, сохраняя свои функциональные черты. В свою очередь, возможность модуляции также дает ответ на вопрос о том, как возможно индивидуальное или коллективное сопротивление институтам: если индивидуальный опыт модулирован операторами среднего уровня, множество пространств индивидуальных опытов может быть скоординировано для преодоления влияния внешних сил.

Заключение

Операторы среднего уровня связывают взаимодействия микроуровня со структурами макроуровня, решая проблему двух гистерезисов теории кризисов Бурдье и предоставляя социальной теории эвристики для анализа модуляции социальных ресурсов. Способность к редукции интеракционной комплексности, модуляции социальных ресурсов и адаптации к различным институциональным контекстам — ключевые характеристики этого класса социальных объектов, который длительное время оказывался за пределами внимания социальной теории.

Причина, по которой операторы среднего уровня оказались локализованы в качестве *фона* теоретических моделей социальных трансформаций, может быть как идиосинкразической, так и логической. Если оставить в стороне гипотезу о случайности такого положения дел, можно предположить, что причиной такой ситуации является отказ от теоретизации *неопределенности как неопределенности*, характерной для социологических моделей XX века, которые предпочли анализировать ситуации социальных трансформаций с позиций социальных структур, а не социальных операций[1].

Не жертвуя преимуществами синхронических объяснительных моделей, гипотеза операторов среднего уровня позволяет задать новые вопросы, которые принадлежат как философии, так и этно-

1 Достаточно даже поверхностной реконструкции теории социальных изобретений в рефлексивной социологии (к примеру, проведенной мной в: (Козлов 2025)), чтобы заметить, что несмотря на признание ключевой роли социальных изобретений в протекании социальных трансформаций, теория полей не стремится описывать трансформативные *операции*, предпочитая фокусироваться на фиксации изменений *социальных структур*. Возможно, именно это решение, связанное с определенной ограниченностью словаря Бурдье, не позволяет рефлексивной социологии обратиться к описаниям оперативных зависимостей в духе аллагматики Жильбера Симондона (Simondon 2020), которые могли бы сделать операторы среднего уровня центральной частью социологического описания.

графии: если операторы среднего уровня связывают структуру и практику, то могут ли они быть связаны между собой? Как происходит «кристаллизация» и стабилизация оператора среднего уровня в процессе его генезиса? Как могла бы выглядеть генетическая история оператора среднего уровня?

Благодарности / Acknowledgments

Я благодарю Алину Лихачевскую, Марию Волкову и Сабину Балишян за обсуждение черновых версий этого текста, а также участников курса «Социология риска и неопределенности», прочитанного мной в Шанинке весной 2024 года, на котором были сформированы первые гипотезы и идеи, которые легли в основу этой статьи.

Список источников / References

Бурдье П. (2018) *Homo Academicus*. М.: Издательство Института Гайдара. EDN: HDSZPD

— Bourdieu P. (2018) *Homo Academicus*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara. EDN: HDSZPD. (in Russ.)

Волкова М. Д. (2021) Шаманы, чиновники и их космологии: местные религиозные организации Бурятии и Иркутской области. *Антропологический форум*, 51, с. 39–71. EDN: AYMZWF. https://doi.org/10.31250/1815-8870-2021-17-51-39-71

— Volkova M. (2021) Shamans, Bureaucrats, and Their Cosmologies: Local Religious Organisations in Buryatia and the Irkutsk Region. *Antropologicheskii forum*, 51, pp. 39–71. EDN: AYMZWF. https://doi.org/10.31250/1815-8870-2021-17-51-39-71. (in Russ.)

Волкова М. Д. (2025) Групповые стили как операторы среднего уровня: ситуативные инновации в шаманских организациях. *Социология власти*, 37 (2), с. 32-46.

— Volkova M. D. (2025) Group Styles as Mid-Level Operators: Situational Innovations in Shamanic Organizations. *Sociology of Power*, 37 (2), pp. 32-46. (in Russ.)

Грановеттер М. (2009) Сила слабых связей. *Экономическая социология*, 10(4), с. 31–50. EDN: OYNYKJ

— Granovetter M. (2009) The Strength of Weak Ties. *Economic Sociology*, 10(4), pp. 31–50. EDN: OYNYKJ. (in Russ.)

Козлов С. В. (2025) Бурдье + Симондон = Чернобыль: набросок общей теории (социальных) изобретений. *Логос*, 35(4) (в печати).

— Kozlov S. V. (2025) Bourdieu + Simondon = Chernobyl: Outline of General Theory of (Social) Inventions. *Logos* (Russian Federation), 35(4) (forthcoming). In Russ.

Козлов С. В. (2024) Техники дрессировки фантазии и стратегии эвфемизации советской бюрократии после Чернобыльской аварии: Саркофаги, пьесы, заклю-

чения и отчеты. *Логос*, 34(4), с. 68–80. EDN: JJZEVJ. https://doi.org/10.17323/0869-5377-2024-4-68-80

— Kozlov S. V. (2024) Fantasy Conditioning Techniques and Euphemization Strategies of Soviet Bureaucracy After the Chernobyl Accident: Sarcophagi, Plays, Conclusions and Reports. *Logos*, 34(4), pp. 68–80. EDN: JJZEVJ. https://doi.org/10.17323/0869-5377-2024-4-68-80. (in Russ.)

Константиновский Д. Л., Вахштайн В. С.*, Куракин Д. Ю. (2012). К анализу дотеоретических оснований социологии образования: экспликация базовых метафор. *Вопросы образования*, 4, с. 22–39. EDN: PVJFPT.

— Konstantinovskiy D. L., Vakhshtayn V. S., Kurakin D. (2013). Analyzing Pre-Theoretical Foundations in Sociology of Education: Explication of Basic Metaphors. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, 4, pp. 22–39. EDN: PVJFPT. (in Russ.)

Куракин Д. Ю. (2023) Катектические механизмы культуры. Часть 1. *Социологическое обозрение*, 22(3), с. 9–52. EDN: YTIUBS. https://doi.org/10.17323/1728-192x-2023-3-9-52

— Kurakin D. (2023) Cathectic Mechanisms of Culture. Part 1. *Russian Sociological Review*, 22(3), pp. 9–52. EDN: YTIUBS. https://doi.org/10.17323/1728-192x-2023-3-9-52. (in Russ.)

Куракин Д. Ю. (2024) Катектические механизмы культуры. Часть 2. *Социологическое обозрение*, 23(1), с. 9–39. EDN: CXVVPN

— Kurakin D. (2024) Cathectic Mechanisms of Culture. Part 2. *Russian Sociological Review*, 23(1), pp. 9–39. EDN: CXVVPN. (in Russ.)

Латур Б. (2014) Об интеробъективности. *Социологическое обозрение*, 13(2), с. 113–162. EDN: JWURYH

— Latour B. (1996) On Interobjectivity. *Russian Sociological Review*, 13(2), pp. 113–162. EDN: JWURYH. (in Russ.)

Филиппов А. Ф. (2004). К теории социальных событий. *Логос*, 5, с. 3–28. EDN: XESKUT

— Filippov A. F. (2004) The theory of Social Events. *Logos*, 5, pp. 3–28. EDN: XESKUT. (in Russ.)

Alexander J. C. (2018) The societalization of social problems: Church pedophilia, phone hacking, and the financial crisis. *American Sociological Review*, 83(6), pp. 1049–1078. https://doi.org/10.1177/0003122418803376

Barbalet J. (2023) Conceptualising informal institutions: Drawing on the case of guanxi. *The British Journal of Sociology*, 74(1), pp. 70–82. https://doi.org/10.1111/1468-4446.12984

Bech J. M. (2021) Spinoza's conatus undoes Bourdieu's habitus. *Conatus — Journal of Philosophy*, 6(2), pp. 131–152. https://doi.org/10.12681/cjp.25632

Bian Y. (1997) Bringing strong ties back in: Indirect ties, network bridges, and job searches in China. *American Sociological Review*, 62(3), pp. 366–385. https://psycnet.apa.org/doi/10.2307/2657311

Bian Y. (2019) *Guanxi: How China works*. Polity.

Bonnin M. (2013) *The lost generation: The rustication of China's educated youth (1968–1980)*. Chinese University Press.

Bourdieu P. (1962) *The Algerians*. Beacon Press.

Bourdieu P. (1996) *The state nobility: Elite schools in the field of power*. Stanford University Press.

Bourdieu P. (2000). *Pascalian meditations* (R. Nice, Trans.). Stanford University Press.

Bourdieu P., & Passeron J.-C. (1977) *Reproduction in education, society and culture*. Sage Publications.

Bourdieu P., & Sayad A. (1964) *Le déracinement. La crise de l'agriculture traditionnelle en Algérie*. Minuit.

Calabretta A. (2022) Transnational fields under change. Investigating the impacts of the Tunisian Revolution on the transnational political field. *Rassegna Italiana di Sociologia*, 2022(2), pp. 467–491. https://doi.org/10.1423/104936

Caselli D. (2022) Heteronomy reloaded. Tensions and transformation in the field of welfare expertise in post-2008 crisis. The case of Milan, Italy. *Rassegna Italiana di Sociologia*, 2022(2), pp. 407–433. https://doi.org/10.1423/104934

Ermakoff I. (2013) Rational choice may take over. In P.S. Gorski (Ed.), *Bourdieu and historical analysis* (pp. 89–107). Duke University Press. https://doi.org/10.1215/9780822395430-005

Gold T.B. (2017) Normalizing private business in China. *Journal of Chinese Political Science*, 22(3), pp. 461–472. https://doi.org/10.1007/s11366-017-9509-4

Gorski P.S. (2013) Bourdieu as a theorist of change. In P.S. Gorski (Ed.), *Bourdieu and historical analysis* (pp. 1–15). Duke University Press. https://doi.org/10.1215/9780822395430-001

Granovetter M. (1973) The strength of weak ties. *American Journal of Sociology*, 78(6), pp. 1360–1380. https://doi.org/10.1086/225469

Granovetter M. (1995) *Getting a job: A study of contacts and careers*. University of Chicago Press.

Hacking I. (1995) *The social construction of what?* Harvard University Press.

Kennedy J.M. (1974) *A psychology of picture perception: Images and information*. Jossey-Bass Publishers.

Lin N. (2001) Guanxi: A conceptual analysis. In A.Y. So, N. Lin, & D. Poston (Eds.), *The Chinese triangle of mainland China, Taiwan, and Hong Kong* (pp. 153–166). Greenwood Press.

Marom N. (2014) Relating a city's history and geography with Bourdieu: One hundred years of spatial distinction in Tel Aviv. *International Journal of Urban and Regional Research*, 38(4), pp. 1344–1362. https://doi.org/10.1111/1468-2427.12027

Rubin E. (1958) Figure and ground. In D.C. Beardslee, & M. Wertheimer (Eds.), *Readings in perception* (pp. 194–203). D. Van Nostrand.

Sapiro G. (2020) The transnational literary field between (inter)-nationalism and cosmopolitanism. *Journal of World Literature*, 5(4), pp. 481–504. https://dx.doi.org/10.1163/24056480-00504002

Sapiro G (2022) Structural crises vs. situations of (political) crisis. Rassegna italiana di Sociologia, LXIII (2), pp.299-321. https://dx.doi.org/10.1423/104930

Sapiro G. (2023) Against self-interest: The codification of „disinterestedness" as an axiological operator in religion, aesthetics, and law. In S. Geroulanos & G. Sapiro (Eds.), *The Routledge handbook of the history and sociology of ideas* (pp. 256–274). Routledge.

Simondon G. (2020) Allagmatics. In G. Simondon, *Individuation in light of notions of form and information* (pp. 661–671). University of Minnesota Press.

Strand M., & Lizardo O. (2017) The hysteresis effect: Theorizing mismatch in action. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 47(2), pp. 164–194. https://doi.org/10.1111/jtsb.12117

Wang Y. (2016) Homology and isomorphism: Bourdieu in conversation with new institutionalism. *The British Journal of Sociology*, 67(2), pp. 348–370. https://doi.org/10.1111/1468-4446.12197

Yakubovich V. (2005) Weak ties, information, and influence: How workers find jobs in a local Russian labor market. *American Sociological Review*, 70(3), pp. 408–421. https://doi.org/10.1177/000312240507000303

* Внесен Минюстом РФ в реестр иноагентов.

Об авторе / About the author

Козлов Степан Викторович — MA in Sociology, аспирант ИОН РАНХиГС, преподаватель факультета социальных наук МВШСЭН, руководитель Лаборатории исследований социальных изменений Шанинки (ЛИСИ). Научные интересы: социология неопределенности, историческая социология техники, история катастроф.

https://orcid.org/0000-0002-1674-9310. E-mail: ste.kozlov@gmail.com

Stepan V. Kozlov — MA in Sociology, graduate student at ISS RANEPA, lecturer of the Social Sciences department of MSSES, head of Laboratory of Social Change Research of Shaninka (LSCR). Research interests: sociology of uncertainty, historical sociology of technology, history of catastrophes.

https://orcid.org/0000-0002-1674-9310. E-mail: ste.kozlov@gmail.com